

О ДИСПУТЪ Ю. Ѳ. САМАРИНА*).

Изъ письма Вѣры Сергѣевны Аксаковой въ Астрахань къ брату Ивану Сергѣевичу отъ 3-го Іюня 1844 г.

„Сейчасъ ѣдутъ отецъ и Конст. на диспутъ Самарина, который начнется въ 10 ч. утра. Какъ жаль, что ты не увидишь этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго диспута. Вскорѣ послѣ него Самаринъ даетъ обѣдъ, потомъ уѣзжаетъ въ деревню, а въ Августъ въ Петербургъ, *не по своему желанію*, какъ онъ говоритъ. Передъ своимъ отъѣздомъ захотѣлъ онъ подарить Костѣ свой портретъ и даже что-то говорилъ ему объ этомъ. Но Конст., по его словамъ, не вслушался какъ-то. Вчера К., пріѣхавъ къ С., видитъ у него портретъ, не помня ничего, начинаетъ его бранить, говоря, что не похоже или похоже, но безъ всякаго благороднаго выраженія. С. говоритъ: „Ну такъ я тебѣ его теперь не подарю. потому что онъ тебѣ не нравится“. Возвратясь, К. написалъ Самарину записку, прося непременно портретъ доставить ему. Вѣрно портретъ достанется Хом., который долженъ былъ быть у Сам. тотчасъ послѣ К. У насъ два экземпляра диссертациі, отцовскій и Константина. Кон. былъ не доволенъ тѣмъ, что Сам. подарилъ первый экземпляръ печатной диссертациі Хомякову, а не ему.

Приписка С. Т. Аксакова отъ 9 Іюня 1844.

Обращаюсь къ Субботѣ, т. е. къ диспуту Самарина. Диспутъ былъ очень хорошъ, особенно въ отношеніи къ Самарину. Никогда и

*) Ю. Ѳ. Самаринъ защищалъ свою диссертацию „Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій“, и его диспутъ съ профессорами Московскаго университета былъ крупнымъ событіемъ въ жизни Московскаго образованнаго общества. Общее вниманіе обращено было на этого юношу, получившаго самое тщательное, многостороннее образованіе. Къ тому же диссертация его появилась въ печати, обрѣзанная чуть не на половину цензурою. Аксаковы принимали въ немъ живое участіе. Младшій изъ нихъ, Иванъ, находился въ то время въ Астрахани въ числѣ чиновниковъ, отправленныхъ туда на такъ называемую ревизію. Письмо это уже было въ печати, но здѣсь помѣщается въ полномъ видѣ по синску, сообщенному въ „Русскій Архивъ“ самимъ И. С. Аксаковымъ. П. Б.

никого не видѣлъ я на кафедрѣ столь свободнымъ, благороднымъ и умѣреннымъ. Но послѣдній эпитетъ не выражаетъ мысли; я хотѣлъ сказать, что всего у него было въ мѣру: и внутренней теплоты, и достоинства, и спокойствія, и скромности, и уклончивости, и смѣлости. Всѣ были имъ восхищены, особенно тѣ, которые ему возражали, и изъ нихъ особенно Шевыревъ¹⁾: онъ влюбленъ въ Самарина на кафедрѣ. Послѣдній возражалъ ему гораздо слабѣе, нежели могъ. Впрочемъ, люди знающіе, (и Костя въ томъ числѣ) говорятъ, что можно было напасть на Самарина гораздо сильнѣе. Первый началъ Шевыревъ, съ которымъ дѣло разошлось мирно; мнѣ не нравилось только, что Сам. часто называлъ его „Ст. Петров.“ Зачѣмъ это? Потомъ началъ говорить какой-то профессоръ Лат. яз.²⁾ *Меничиковъ*; замѣчанія его состояли изъ самыхъ пустыхъ, даже совершенно неосновательныхъ привязокъ. Онъ былъ уничтоженъ Самаринымъ блистательно, и все таки не рѣзко и не дерзко. Вдругъ раздался странный, визгливый голосъ какого-то старика на Латинск. языкѣ. Спрашиваю: Кто это? Клинь. Наконецъ Клинь кончилъ. Самаринъ спросилъ: на какомъ языкѣ угодно г. Клину слышать отвѣтъ? прибавя, что по Латынѣ онъ не привыкъ говорить свободно. Клинь выбралъ Нѣмецкій. Клинь, говорятъ, жестоко напалъ за рѣшительный приговоръ протестантизму, доказывая, что диспутантъ не читалъ проповѣдей протестантскихъ. Самъ Самаринъ признавался Конст., что защитился одною дерзостью и отвѣчалъ, что „не читалъ и читать не буду, и не нужно“. Вслѣдъ за нимъ яростно напалъ Бодянскій, защищая Кіевское духов. и Малороссію. Самаринъ превосходно отвѣчалъ ему, сконфузилъ и сдѣлалъ смѣшнымъ. Во время спора Бод. нѣсколько разъ врѣзывался гадкій Артемовъ³⁾ тоже со злобою; словами: „Нельзя Дмитр. Рост. мѣрить Гегелевскимъ аршиномъ“ возбуждалъ онъ даже смѣхъ и шумъ одобренія. Послѣ сего, онъ съ дерзостью сказалъ: „Назвать въ диссертациі Гегеля значить выкинуть флагъ“. Самаринъ мастерски сказалъ: „Я не отвѣчаю вамъ на это“, и отвернулся. И. И. Давыдовъ поспѣшилъ начать: „Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ мое слово“, и занесъ неописанную ахинею. Въ заключеніе онъ сказалъ: „Я читалъ всѣ три части вашей диссертациі и долженъ сказать, что въ ней мысли ложны, выраженія сухи, нѣтъ системы и единства, а потому мы, всего болѣе уважая самостоятельность, которая у васъ часто сопровождается рѣзкостью выраженій, надѣясь, что вы со временемъ откажетесь отъ своихъ началъ, помня

¹⁾ С. П. Шевыревъ давалъ Самарину частные уроки. П. Б.

²⁾ Не Латинскаго, а Греческаго языка. П. Б.

³⁾ Лицо намъ неизвѣстное. П. Б.

вашъ блистательный экзаменъ и выслушавъ ваше блистательное защищеніе, признаемъ васъ *достойнѣйшимъ* магистромъ“, и вся эта галиматья была покрыта рукоплесканіями, отъ которыхъ скромный Давыдовъ скрылся въ толпѣ....

На дняхъ у Самарина былъ ужинъ; гости разѣхались въ 6 час. утра, а вчера было прощанье съ Грановскимъ, до 3-хъ час. утра.

Вчера Конст. вынужденъ былъ прочесть почти всѣ твои мистеріи. Не возгордись! Успѣхъ былъ чудесный. Ты превознесенъ и прославленъ, даже и Хомяковымъ. Самаринъ предложилъ тостъ за твое здорье, который единодушно и шумно былъ принять.

Письмо Феофана Прокоповича князю А. Д. Меншикову *).

Свѣтлѣйшій Княже Александръ Даниловичъ

Особливо высокопочтенныи господіне и пріятелю.

Понеже я отъ вашего здѣсь сущаго господіна брата увѣдомился, какой великой убытокъ вы мои высокопочтенныи господінъ купно со своіми сосѣди незапно учинившимся, и сілою вѣтра умножившимся пожаромъ претерпѣли, въ которомъ не токмо ваша избранная бібліотека и хитростная камера, но и весь домъ и дворъ во едино окомгновеніе въ дыму изгѣбли и въ пепель превратіліся, котораго ради несчастія по достоинности плакать подобаетъ: того ради умедлѣть не хотѣлъ вамъ сімъ мое сердечное сожалѣніе объявити со присокупленнымъ внутреннимъ желаніемъ, дабы великіи всемогущіи богъ, иже сеи печальный случаи на васъ послалъ, вамъ моему высокопочтенному господіну своимъ утѣшеніемъ и милостію, сіце отчески спомоществовалъ, дабы вы изъ того уразумѣть могли, коль суетны не токмо всѣ временны имѣнія, но и сами мы зѣло бѣдныи челоуѣцы есмы, сіце что дневно и повсечастно смерти подвержены.

Правда что зѣло есть печально, что вашимъ трудомъ изрядно изображенные писма, иже и вѣчности достоіны были, во одно окомгновеніе въ пепель превратіліся; но егда мы подумаемъ коль изрядные книги въ древніе времена въ Греческой земли и въ Римѣ такимъ же нещастіемъ посѣщены, такъ же при нынѣшней воинѣ погѣбли: то принуждены мы товарищствомъ сіхъ печальныхъ людей утѣшатіся, сверхъ того пожары великія неиное что суть, яко предвѣстники всего свѣта

*) Сообщено г-номъ Прокопіемъ Лебедевымъ. Печатается съ правописаніемъ подлинника. Къ сожалѣнію, ни время, ни мѣсто не означены. П. Б.